

* * *

Ночь у камина. Весна.
Что-то сегодня не спится.
Звёздная колесница
Мчится в проёме окна.

На пол упал уголёк
И потемнел, остывая.
Псина сторожевая
Вдруг заворчала у ног.

Тонкий ломается лёд —
Кто-то под окнами ходит.
Что-нибудь произойдёт
Или уже происходит...

* * *

Подтаявший снег провалился
в теплицу,
Вконец отлежав за полгода бока...

Уверен — ему там неплохо ложится —
Вороны не топчут и нет сквозняка.

А мне почему-то сегодня не спится,
Сиж у окна и гляжу в темноту...
Лежит на боку в огороде теплица,
Неловко колени прижав к животу.

Фонарь на столбе,
как замёрзшая птица,
Дрожит на ветру и не может
взлететь...

Лежит на боку в огороде теплица
И даже не хочет чего-то хотеть.

И надо же было такому случиться!
Увидит разор, закручинится мать...
Лежит на боку в огороде теплица,
Ей снится, что кто-то идёт
поднимать...

Владимир Шемшученко (1956 г.р., Караганда) — получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и московском Литературном институтах. Работал в Заполярье, на Украине и в Казахстане. Прошёл трудовой путь от ученика слесаря до руководителя предприятия. Член Союза писателей России и Союза писателей Казахстана. Лауреат ряда литературных премий. Участник 12 антологий поэзии. Автор 16 книг стихов. Постоянный автор «Литературной газеты». Живёт в г. Всеволожск (Ленинградская область).

* * *

Ночь ещё пахнет снегом...
Выпьем же за весну
С Муркиным наглым побегом
Из форточки — на сосну!

И по второй — за морзянку
Улиц, танцующих крыш!
Это — душа наизнанку! —
Разве за ней углядишь!

Это — сердцебиенье,
Артериальная кровь!
Это — неповторенье,
Это — не в глаз, а в бровь,

Выгнутую рассветом —
Ну, вон у той, с зонтом...
Кабы я был поэтом,
Я бы за ней — хвостом...

Март — не словесный рынок
И не сезонный грим.
Где мой второй ботинок?!
После договорим...

* * *

Апрельское утро грачами озвучено.
Уходит в подлесок туман, не спеша.
Ещё две недели —
и скрипнет уключина,
И лодка пригладит вихры камыша.

Ещё две недели — и синяя Ладога
Натешится вволю, подмяв берега,
И в небе проклюнется первая радуга,
И рыба пойдёт нереститься в луга.

И ветер с Невы, как глоток
Vana Tallinn'a,
Гортань обожжёт...
А пока среди льдин,

Как спящая женщина,
дышит проталина
С лиловым цветком
на высокой груди.

* * *

Сугробы оплыли, как сальные свечи.
Собака уже не грустит в конуре,
А грязные лапы мне ставит
на плечи...
Вот дура! Поляк бы взорвался:
«Пся крев!»

Да что с неё взять, если талые воды
Вод окнами бродят, как в бочке вино,
И в лужах цветут нефтяные разводы,
И вынес сосед первый раз домино.

И вдрызг разругались
соперницы-кошки,
Изрядно помяв меховые манто...
Вот глупые твари!
Свернуть бы им бошки!
Семь лет обещаю, а им хоть бы что!

Ударились в бегство...
Свалили фиалку...
Горшок на куски! На паркете земля!
И мне до того вдруг себя стало жалко,
Поскольку услышу: Не надо ля-ля...

Собрать черепки — это плёвое дело,
И пол подмести не составит труда.
Всю зиму фиалка цвести не хотела...
А тут расцвела — отошли холода...

Я новый горшок принесу из подвала,
И, чтоб на упрёки не отвечать,
Жену обниму как ни в чём
не бывало...
Фиалка не выдаст...
И кошки смолчат...

Черёмуховый обморок.
 Безумье соловья.
 Подслеповатый дождь,
 шагающий по крыше.
 Скучают во дворе верёвки для белья,
 И слышно, как земля волнуется
 и дышит.

На цыпочках рассвет по лужам
 пробежал
 И в спешке обронил шикарный
 куст сирени —
 Он долго на ветру качался и дрожал,
 Роняя на траву причудливые тени.

Откуда ни возьмись,
 нагрянули скворцы,
 Снуют туда-сюда — и важные такие...
 И тотчас воробьи
 (на что уж храбрецы!)
 Забыли про свои замашки боевые.

И, кажется, что зла на свете
 вовсе нет,
 Зато добра вокруг —
 невыпитое море:
 И от костра дымок,
 и яблоневого цвет,
 И соло василька
 в большом цветочном хоре...

МАРИНЕ

1

Скрипит под ногами ледок.
 Чирикает воробьишка.
 Меняет и наш городок
 На плащик худое пальтишко.
 Любимая, вот и весна!
 Снега уползают в овраги...
 Вот брякну в сердцах: «Не до сна!»
 И двину из греков в варяги,

Минуя весёлый Париж,
 В котором полно чернокожих,
 Где снежные хищники с крыш
 Не падают на прохожих,
 Где каждый пугливый сугроб
 Сметанен и даже — творожен,
 И всякий любовный микроб
 Опознан и уничтожен,
 И веник у них не цветёт,
 А наш, посмотри — расцветает...
 Любимая, я — идиот,
 Европа стихи не читает!
 Не смейся, родная, прошу!
 И пусть непростительно трушу,
 Я лучше тебя напишу —
 Слушай...

2

Растолкал облака ветерок.
 В небе солнышко — мордочка лисья.
 Прилетели ко мне на порог
 Опалённые инеем листья.

Смёл на землю — чего их беречь —
 Отгуляла пора листопада!
 Я хотел эти листья поджечь,
 А жена мне сказала: «Не надо...»

Лист озябший согрела в горсти
 И поправила чёлку рукою,
 А в глазах отразилось такое,
 До чего мне вовек не дойти...

3

Ночь из двора-колодца
 Вычерпала людей.
 Снега хочется! Солнца!
 Где моё солнце! Где?!

Мне не уgomониться —
 Пасынку Караганды,
 Лижет луна-волчица
 В полночь мои следы.

Свет твоего оконца...
Сорок ступеней — в миг!
Снега хочется! Солнца!
Рук твоих, чёрт возьми!

РЕВОЛЮЦИЯ

Тише рыбьего дыханья,
Легче трепета ресниц —
Скорой смерти ожиданье
Сходит с блоковских страниц...
А вокруг всё лица, лица
С волосами до земли,
Журавлиные синицы
И синичьи журавли,
На золотом крыльце сидели —
(Здесь зачёркнуто...) Гляди
На бушлаты и шинели!
Хлеба дайте! Проходи!
Робы, блузы, платья, спины,
Маски, кепки, колпаки,
Свечи, фонари, лучины,
Проститутки, кабаки...
Кто поёт, кто матерится —
Власть издохла! Вот те на!
Тут — шампанское искрится,
Там — штыки и стремяна...
Карнавал! Гуляй, людишки!
День последний! Судный день!
Ничего теперь не слишком!
Никому сейчас не лень!
Отойти! Остановиться!
Руки разбросать! Не тронь!
Вера — счастье несчастливцев —
Всех в огонь!

* * *

Художник поставит мольберт
И краски разложит, и кисти,
А я — двадцать пять сигарет —
И с ветки сорвавшийся листик.
Мы будем сидеть vis-a-vis,
Пока не опустится темень.

И ради надмирной любви
Пространство раздвинем
и время.

Мы будем глядеть в никуда
И думать о чём-то неважном:
Сквозь нас проплывут господа
В пролётках и экипажах —
Улыбки сиятельных дам,
Смешки, шепотки одобренья,
Последним проедет жандарм,
Обдав нас потоком презренья.
А ночью в дрянном кабаке,
Где слухи роятся, как мухи,
Он — в красках,
я — в рваной строке —
Хлебнём модернистской сивухи,
Забудем, что есть тормоза,
Сдавая на зрелость экзамен,
И многое сможем сказать
Незрячими злыми глазами.
И к нам из забытых времён,
Из морока рвани и пьяни
Подсядут: художник Вийон
И первый поэт Модильяни...

ПОЛИНКА

1

Разбухли от сырости двери.
У ветра повадки судьбы.
Не видел бы — вряд ли поверил,
Что лужи растут как грибы.

Чохоточный март на исходе.
Смиряюсь...
Сказал же поэт,
Что нет безобразья в природе...
На нет и суда у нас нет.

И всё же камин разжигаяю.
С полешка стекает слеза...
Дыханьем огню помогаю.
Коты округляют глаза.

Но мы приезжаем в Россию
Из всех суверенных широт.

Нам стало вдали одиноко,
И сделалась участь горька —
И с Запада, и с Востока
Течёт человечья река.

Над мыслями нашими властвуй —
Пришли мы к тебе налегке.
Как сладко сказать тебе: Здравствуй!
На русском своём языке.

2

Осень. Звон ветра. Синь высоты.
Тайнопись звездопада.
Если на кладбищах ставят кресты,
Значит, так надо.

Значит, и нам предстоит путь-дорога
За теплохладные наши дела.
Сколько скажи,
не дошедших до Бога
Тьма забрала?

Сколько, ответь,
ещё водишь по краю,
По-матерински ревниво любя?
Я в этой жизни не доживаю
Из-за тебя.

Из-за тебя на могилах трава —
В рост! — где лежат друзья...
Но истина в том, что не ты права,
А в том, что не прав я.

* * *

Коль написано на роду
В Петербурге мне быть поэтом,
Не воспользуюсь я советом:
Да пошёл ты в Караганду!
Жил я бражно. Плавил руду.

Не облизывал вражьи миски.
И не крал у детей сосиски
В перестроечную страду.
С бабой русской живу в ладу.
Народились дети и внуки.
Я бы вырвал по плечи руки
Тем, кто сбросил с Кремля звезду!

ПЕТЕРБУРГ

На озябшем перроне
и пусто сегодня, и гулко.
Милицейский наряд прошагал
безучастный, как снег.
Точно так же глядел на меня,
выходя на прогулку,
Насосавшийся крови,
двадцатый сдыхающий век.
Ах ты, память моя!
Я прощаю, а ты не прощаешь!
Отпусти же меня,
помоги мне обиду забыть.
Ничего не даёшь ты взамен,
даже не обещаешь,
Кроме ветхозаветного — быть!
Славный выпал денёк, с ветерком,
до костей пробирает,
Гололёдец такой, ну, совсем
как у Данте в аду...
Я всем мозгом спинным понимаю —
меня забывает
Полусонный вагон,
убывающий в Караганду.
Он забудет меня, одиноко ржавея
на свалке,
Как забыли меня все, кому я
тепло раздарил...
Здесь, в несломленном городе,
люди блокадной закалки
Отогрели меня, когда жить уже
не было сил.
Смейтесь, братья мои!
Нам ли нынче стонать и сутулиться!

Смейтесь, сёстры мои!

Вы затмили достойнейших жён!

Посмотрите в окно...

Кто метёт и скребёт наши улицы? —

Это дети оравших в безумии:

«Русские, вон!»

* * *

Неладно со времён царя Гороха

У нас — долдонят все, кому не лень.

А между тем — не так уж всё и плохо:

И ночь как ночь, и день

как будто — день.

Куда ни глянь — увесистые негры

Буклетики прохожим раздают,

И никому не действуют на нервы,

И потому у нас их редко бьют.

И среднеазиатскому меньшинству

Дозволено на улицах кричать,

И «русскому невиданному

свинству»

Своих детишек в школах обучать.

А говорили — мы баранов съели,

И зверски распахали целину,

И с кровью кровь мешали,

как хотели,

И (вай, уляй!) ломились в чайхану.

Всё так, как говорится, жили-были,

Варили в чугушке тупой топор...

А мы ведь их действительно

любили

И, как ни странно, любим до сих пор.

* * *

Я не страдаю от режима

И не меняю баш на баш.

Пишу без всякого нажима —

Я экономлю карандаш.

Меня не били смертным боем

За дилетантские стихи.

Меня водили под конвоем

За настоящие грехи.

* * *

Замечтались... Раз-два и готово —

Перешли нас нахлебники вброд,

И жуют наше русское слово,

Превращая в поток нечистот.

И удравшие (глянь!) приползают,

Будто полчища саранчи.

Я их помню — со злыми глазами! —

И люблю их, да так — хоть кричи.

И кричу, что ещё остаётся,

В пику сверхтолерантной шпане.

Этот стон у нас песней зовётся...

Эй, борцы с экстремизмом, ко мне!

Вы сожгли мою русскую хату!

Потому для меня вы — враги.

Я заставлю вас жить на зарплату,

Чтобы впредь неповадно другим...

Вам сегодня вольготно живётся

На руинах великой страны.

Знаю — слово моё отзовётся —

Мне навесят вину без вины.

Я иду, заливаясь слезами,

Всеотзывчивость нашу кляня...

А навстречу — со злыми глазами! —

Боже, как они любят меня!

ПО ОТВЕСНОЙ СТЕНЕ

1

Выглянул месяц, как тать из тумана,

Ножичком чиркнул — упала звезда

Прямо в окоп... В сапоги капитана

Буднично так затекает вода...

Через минуту поодаль рвануло.

Замельтешили вокруг светлячки...

Встать не могу — автоматное дуло

Прямо из вечности смотрит

в зрачки.

Белый день. Белый снег.

И бела простыня.

Бел, как мел, человек.

Он белее меня.

Он лежит на спине,

Удивлённо глядит —

По отвесной стене

Страшновато ходить.

«Помолчите, больной...»

Не дышите, больной...» —

Говорит ему смерть,

наклонясь надо мной.

* * *

Обшарпанный футляр,

а в нём — аккордеон.

Потёртые меха и клавиши живые...

У дома две сосны стоят,

как часовые,

А прежде здесь стоял сосновый

батальон.

Держу аккордеон,

как дочку на руках.

Меня учил играть отец

в белёной хате...

Отец мог умереть от раны

в медсанбате,

Но выжил, чтоб сейчас остаться

в дураках.

Какое дело мне до медленно

жующих

И прочих власть имущих,

обласканных судьбой?

Играй, аккордеон,

для непосильно пьющих!

И пусть они поют,

как мы поём с тобой.

I

Он был болен и знал, что умрёт.

Положив мою книгу на полку,

Вдруг сказал: «Так нельзя про народ.

В писанине такой мало толку».

Я ему возражал, говорил,

Что традиции ставят препоны,

Что Мефодий забыт и Кирилл,

Что нет места в стихах для иконы.

«Замолчи! — оборвал он. — Шпана!

Что ты смыслишь! Поэзия — это...»

И закашлялся.

И тишина.

И оставил меня без ответа.

II

С ним можно было

запросто молчать.

Он никогда не задавал вопросы,

Когда я рвал рубаху сгоряча,

Роняя на пол пепел папиросы.

Он не писал ни песен, ни стихов.

С ним жили шавки: Руфь и Недотрога.

За ним совсем не числилось грехов.

Он говорил, что почитает Бога.

Он вытащил меня из пьяной драки

И в спину подтолкнул:

«Беги, убьют...»

Он умер тихо, но его собаки

Заснуть всему кварталу не дают.

* * *

Я здесь не жил в блокаду —

После войны рождён.

Мне — ничего не надо.

Павшим — земной поклон.

Стали землёй винтовки.
Млеют в лесах соловьи.
Только — на Пискарёвке
Родственники мои...

Кончились коммунисты —
«Пятой колонне» салют!
На Украине фашисты
Кровушку русскую пьют.

Мне — ничего не надо.
Господи, воля Твоя...
«Фрицы» мне — не камрады.
Бандеровцы — не друзья.

Не опускаюсь до злобы.
Бранных слов не скажу.
Ненависть — высшей пробы! —
Сыну в сердце вложу.

* * *

Подо льдом остывает вода.
Снегом заткана площадь пустая.
Разогнали чертей холода.
Даже ведьмы — и те не летают.

Лихозимье. А в доме зверьё
Распушило хвосты у камина.
Мудрость жизни диктует своё:
Кошка мирится с сукиным сыном.

Отогрею нутро кипятком.
В небесах разгорится лампада.
И растает под языком
Предынфарктное слово —
БЛОКАДА.

* * *

Я скользящей походкой
сам-друг возвращаюсь домой —
Муза канула в ночь и свела
(вот зараза!) Пегаса.

Рядом кашляет город —
он пахнет тоской и тюрьмой —
И ещё — недержаньем
горячей воды в теплотрассах.

Это надо же —
вляпаться в эту чухонскую рань,
В этот выжатый воздух
с душком топляка и сивухи
И в уме сочинять не стихи,
а тотальную дрянь,
И заснеженным львам,
осердясь, раздавать оплеухи.

Просыпается город —
ему на меня наплевать,
Мною он пренебрёг
и бесстрастно зачислил в потери...
Дома ждут меня стол,
абажур и складная кровать,
И некормленный кот,
и ворчливые старые двери.

Я домой возвращаюсь,
и тёплое слово — домой —
Языком непослушным
по нёбу сухому катаю...
Я чертовски богат
надоедливым задним умом,
Потому даже псы мне, рыча,
отказали от стаи.

Я домой возвращаюсь. Я ранен.
Я болен тобой,
Мой продутый ветрами,
чахоточный, каменный город.
Знаю, ты не зачтёшь
этот наглый словесный разбой
И снежинку прощенья уронишь
за поднятый ворот.

* * *

Бросил в угол и ложку, и кружку,
И когда это не помогло —
На чердак зашвырнул я подушку,
Что твоё сохранила тепло.

Не ударился в глупую пьянку,
Не рыдал в тусклом свете луны,
А принёс из подвала стремянку,
Чтобы снять твою тень со стены.